

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 130.2

Развитие цивилизационной идентичности России: война и мир

В. А. Волков, В. М. Камнев

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Волков В. А., Камнев В. М. Развитие цивилизационной идентичности России: война и мир // Философия истории философии. 2022. Т. 3. С. 355–365. <https://doi.org/10.21638/spbu34.2022.123>

В статье рассматривается проблема идентичности современной России. С конца XX в. Россия находится в процессе кризиса идентичности. Российская Федерация, отказавшаяся от коммунистической идеологии и режима советской власти, делала попытки выстроить европейскую идентичность в едином цивилизационном пространстве с Западом. Обретение Россией своей идентичности предполагало продолжающийся процесс отказа от своей целостности и более фундаментальных идентичностей, нежели идеология и режим. Согласно западной модели, Россия должна растворить нации «в едином котле» либо разделиться на множество государств согласно их национальной идентичности. В этом проекте России отводится роль регионального государства, выполняющего функцию сырьевого придатка Запада в международной системе разделения труда, с господством иностранного капитала. История России на протяжении последних трехсот лет показывает, что национальная, гражданская идентичность является ограниченной для потенциала ее развития. Евразийская цивилизационная идентичность объясняет особенности единства и целостности России. Политико-цивилизационная евразийская идентичность России позволяет ей успешно развиваться, через неизбежное переплетение и единство противоречий, составляющих ее содержание.

Ключевые слова: идентичность, цивилизация, евразийство, война, мир.

Мир меняется. Сдвиги в современной картине мира по сложности и непредсказуемости подобны изменениям мозаики в калейдоскопе. Для того чтобы идентифицировать положение России, нужно определиться с векторами изменений и их исходными точками. Идентичность базируется на различии. Абстрагируясь от более длительных периодов, начала этих процессов можно зафиксировать в конце прошлого столетия. Девяностые годы XX в. неожиданно оказались для России не эпохой совместной победы над «тоталитаризмом» СССР, а временем тотального кризиса идентичности народов, побежденных в холодной войне. Постсоветское пространство становится зоной влияния победителей и полем их политических экспериментов. Российская Федерация, отказавшаяся от коммунистической идеологии и режима советской власти, пытается выстроить европейскую идентичность в едином цивилизационном пространстве. В то же время ее государственность проверяется на прочность и целостность посредством уже испытанных инструментов, доказавших свою разрушительную эффективность на примере Советского Союза. Обретение своего места в пространстве и иерархии международных отношений предполагало продолжающийся процесс отказа от своей целостности и более фундаментальных идентичностей, нежели идеология и режим. О каких же идентичностях здесь идет речь? От чего же еще требовалось отказаться, чтобы влиться в ансамбль европейских государств? Контекст международных взаимоотношений 90-х годов указывал на то, что требовалось отказаться от самостоятельности в принятии решений. Политически это означало отказ от суверенитета, что, собственно, и происходило во многих сферах и, прежде всего, в экономике и международных отношениях.

Негативные процессы указывали на масштабный кризис идентичности России и предполагали поиск приемлемой и устойчивой формы идентичности. Преодоление кризиса идентичности представляет собой длительный и многоуровневый противоречивый процесс, который еще не завершен. Почему же необходимо рассматривать данные процессы в свете понятия идентичности? Ответом на этот вопрос и будет содержание этой статьи.

Феномен идентичности впервые стал предметом исследования в работах американского психолога Э.Эриксона в качестве глубинной структуры личности, отвечающей за ее самоопределение к миру [1]. Понятие идентичности включает в себя достаточно глубокое содержа-

ние. В интересующем нас контексте термин «идентичность» указывает на отношение тождества некоего феномена самому себе во времени. Историческое существование определенной общности предполагает ее изменение. И в то же время эта общность в изменении остается тождественной самой себе, сохраняя в борьбе со временем свою идентичность. В этом понятии фиксируется своеобразный процесс самоорганизации и борьбы с энтропией. Наступление кризиса идентичности означает разрыв самоидентичности в изменении. Он проявляется как «отрицание символов, распад коллективной памяти, представленной традициями, а также утрата веры в общее будущее, дисгармония между описательным и нормативным образами себя, прерывность в истории, несоответствие между представлением культуры о самой себе и ее образами в других культурах, наконец, чувство неполноценности относительно более совершенной культуры» [2, с. 121]. Кризис сигнализирует об утрате ориентиров в будущем и прошлом.

Наряду с индивидуальной существует и коллективная идентичность. Ее структурными элементами являются институты, традиции и ценности. Типология по уровню общности выделяет этническую, народную, национальную, цивилизационную идентичности. Типология делит их на политическую и неполитическую идентичности. «Политическая идентичность формируется в процессе политизации этих идентичностей и вовлечения их носителей в отношения, связанные с реализацией политических интересов и конкретных практик, воплощающих понимание общественного блага» [3, с. 8].

Политическая идентичность формируется как основание государственности. Доминирующей моделью политической идентичности Европы является государство-нация. Гражданская идентичность, снимающая этнические различия, является основой политической организации государства-нации. С точки зрения европейской модели Россия представляет собой недооформленное государство. В ней присутствует многонациональность. Согласно западной модели, Россия должна растворить нации «в едином котле» либо разделиться на множество государств согласно их национальной идентичности. Достижение единой гражданской идентичности должно превратить Россию в «нормальное» европейское государство. В рамках концепции нации-государства многонациональность является признаком хрупкости государственности. Многонациональность явилась, по мнению экспертов, одной из причин развала Советского Союза, и представляет собой точку уязвимости России в современной борьбе. Положение о праве наций на самоопределение, закрепленное в документах ООН, выступает в качестве возможного слабого места государственности, а также критерием ее незре-

лости. Происходят постоянные попытки политизировать этнические, народные, региональные идентичности для того, чтобы перевести их в формат противоречия. Провоцирование столкновений по этническому основанию может инициировать процессы политизации на уровне народов и наций. Выбор В. Лениным принципа права наций на самоопределение в качестве фундаментального в решении национального вопроса стал детерминантой в формировании союзного характера Советского государства. Каждый гражданин в результате паспортной реформы 1932 г. идентифицировал свою национальную принадлежность в отдельной графе паспорта. В перспективе национальность закреплялась на основе кровного родства. Этот процесс для многих народов означал переход от традиционного и родоплеменного уклада к началам государственности и нормам индустриального общества. В рамках политики дружбы народов ставилась задача утверждения гражданской идентичности — советского народа, что было зафиксировано в Конституции 1977 г. Распад СССР вызвал тяжелейший кризис национально-государственной идентичности. Освободившееся пространство заполняли альтернативные проекты идентичности, не способные связать удовлетворительным образом традиции и ценности народов. Национальная политика в дальнейшем не получила достаточного конструктивного теоретического осмысления в России. Дискуссионными остаются вопросы оправданности проводившейся национальной политики и трагических последствий разделения Советского Союза по современным национально-государственным границам. Политико-философские теории не сумели поставить точки в истории российской национальной политики XX в.

Поликонфессиональность России является вторым измерением для создания политических противоречий. В тех регионах, где сосуществуют христианство с исламом, с буддизмом, возникают попытки религиозные идентичности превратить в политические. Православную церковь также испытывают на прочность через расколы.

Индивид является средоточием разноуровневых идентичностей. И если в рамках личных идентичностей он самоопределяется, то коллективные идентичности определяют человека извне, и очень важно вычленив и понять их значимость в качестве мировоззренческих ориентиров. В этом смысле методологические позиции примордиализма и конструктивизма в оценке природы идентичности опосредуют друг друга, поскольку человек существует в рамках альтернативных проектов коллективных идентичностей.

Политика идентичности представляет собой существенный компонент государственной политики, когда возникает потребность в укреп-

плении государственности. История России на протяжении последних трехсот лет показывает, что национальная, гражданская идентичность является ограниченной для потенциала ее развития. С XVIII в. Россия позиционирует себя как империю. В XX в. Россия принимает форму Союза Советских Социалистических Республик. Российская Федерация, являющаяся правопреемницей СССР, несет в себе ядро традиций, ценностей, институтов, сохраняющих значение на постсоветском пространстве. Каждое утверждение идентичности государства является результатом выбора проекта, в контексте которого принимаются решения и высвечиваются острейшие проблемы и следствия такого выбора. Такие сложносоставные образования на больших территориях определяются как цивилизации, со своими структурными и содержательными особенностями. Цивилизации часто не оформляются в единые государственные образования, но всегда приобретают культурную определенность.

О. Шпенглер сравнивает вхождение понятия цивилизации в научный дискурс с коперниканским переворотом, преодолевшим птолемееву систему. Человечество, развивающееся в истории, — это всего лишь бедная абстракция. В историческом процессе возникают и погибают множество цивилизаций с конкретным периодом жизни, с определенными циклами расцвета и упадка, с их взаимной сменой и сосуществованием. Жизнь цивилизаций детерминирована географическим ландшафтом, «душой» и «стилем» культуры, своеобразием хозяйственного уклада и формами коллективного мышления. Уже Н. Данилевский называл цивилизации «культурно-историческими типами», подчеркивая тесную связь культуры и цивилизации. Цивилизация и культура характеризовали восходящую и нисходящую фазы развития в концепциях О. Шпенглера, А. Тойнби. Государства находят союзников в рамках единого цивилизационного пространства в противостоянии «мы — они» с чуждой цивилизацией. Чем же определяется единство цивилизации? Разнообразие ответов на этот вопрос говорит о его сложности. Системообразующим стержнем цивилизации чаще всего называют культуру, большие пространства, религию. Автор «Столкновения цивилизаций» С. Хантингтон, давший новый толчок в исследовании цивилизаций, и различавший в современном мире евро-атлантическую (западную), православную, синскую, исламскую, индуистскую, латиноамериканскую, африканскую цивилизации, видит основание различий цивилизаций в культуре, ядром которой является религия. «Основная идея этого труда заключается в том, что в мире после холодной войны культура и осознание различной культурной идентичности... определяют модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта» [4, с.13].

Единство цивилизации в ее своеобразии объясняют не только из ее структурных характеристик, но и из особенностей динамического начала. К. Квигли видит сущность цивилизации в ее экспансии, которая не может остаться незамеченной в истории. История западной цивилизации знает несколько циклов расширения. «После веков экспансии наше общество организовано так, что оно не может просто существовать; оно должно расширяться — или погибнуть» [5, p.139]. Движущая причина синтетически связывает разнообразные признаки цивилизации. Более радикальный, метафизический тезис лежит в основании теории Л. Н. Гумилева. В терминах его концепции рождение цивилизаций имеет космологическое измерение. «Согласно современной теории этногенеза можно определить суперэтнос как группу этносов, возникшую в результате пассионарного толчка в одном регионе и связанную общностью исторической судьбы» [6, с.167]. Энергия пассионарного толчка, соединенная с уникальным месторазвитием, создает оригинальный стереотип цивилизационного поведения, выражаемом в комплементарности. «Положительная комплементарность — это безотчетная симпатия, без попыток перестроить структуру партнера; это принятие его таким, каков он есть. В этом варианте возможны симбиозы и инкорпорации» [7, с.287]. Соприкасаясь друг с другом, суперэтносы могут создавать химеры, — общности с деструктивной ориентацией, несущие разрушительный потенциал. Химеры — это антисистемные общности, возникающие вследствие взаимопроникновения чуждых систем, разрушающих инерцию традиции.

Таким образом, можно предположить, что в цивилизациях энергетическое начало является более фундаментальным, первичным по отношению к культурным, религиозным и национальным различиям. Энергия характеризует процесс, полюсами которого являются противоположности. Отсюда следует, что многонациональность и поликонфессиональность не являются признаками слабости России. Это характеристики того, что Россия является ядром цивилизации и должна оцениваться через цивилизационные характеристики, а не характеристики нации-государства. Особенности евразийского ландшафта, заключающегося в отсутствии естественных разделительных границ, ведут к расширению единой государственности на максимально большое цивилизационное пространство. В этом контексте можно говорить о том, что Российское государство является цивилизацией. Евразийская идентичность объясняет особенности единства и целостности России. Традиция осмысления российской цивилизации как евразийской, после длительного исторического противостояния славянофилов и западников, возникла в начале 20-х годов XX в. благодаря идеям П. Савицкого,

Г. Вернадского, Н. Трубецкого, Г. Флоровского. Теория пассионарности Л. Гумилева послужила фундаментом развития концепции евразийства. Первичность цивилизационного импульса позволяет России сохранять и развивать национальную самобытность, а также согласие различных наций и конфессий. Соотношение понятий народа и нации, запечатленное в преамбуле Конституции России, не характерно для европейского научного дискурса. В западных теориях нация является более сложной по организации общностью, которая ассимилирует в себе многие народы. В российском политическом дискурсе происходит интересная инверсия. В выражении «многонациональный народ» понятие нации несет в себе смысл самоорганизации и самоопределения, в то время как понятие «народ» воплощает единство исторической судьбы наций.

Смена вектора с национального дискурса на цивилизационный дает основательную методологическую установку в решении существующих проблем. Политика цивилизационной идентичности заключается в том, чтобы деполитизировать идентичности других уровней общности: этническую, народную, национальную. Этот выбор должен воспроизводиться в каждом национально-территориальном образовании государства. Вместе с тем понятие цивилизации имеет диалектическую природу. Существование и развитие цивилизации не обеспечивается ее естественно-историческим существованием. Цивилизация развивается через проекты социальных общностей, которые определяют свои цели в тесных взаимодействиях друг с другом и внешними национальными и цивилизационными влияниями.

Россия несколько последних десятилетий претерпевает кризис идентичности. В ее политическом пространстве сталкиваются силы, претендующие на установление господства одной из конкурирующих идентичностей. Во-первых, Россия рассматривается как часть Европы, как часть западного проекта. В этом проекте России отводится роль регионального государства, выполняющего функцию сырьевого придатка Запада в международной системе разделения труда, с господством иностранного капитала. Такая модель интерпретируется в контексте миросистемной теории И. Валлерстайна, разделяющей все политэкономическое пространство на ядро — полупериферию — периферию. Западный проект носит глобалистский характер, предполагающий доминирование одной полноценной западной цивилизации. Интересы глобалистского проекта состоят во втягивании в периферию западной цивилизации отпавших частей других цивилизаций. Этот проект предполагает фрагментацию цивилизационного пространства, чуждого Западу, и опору на часть их национальных элит, позиционирующих себя как носителей транснациональных интересов. Цель вхождения России

в западную цивилизацию поддерживается либеральными кругами интеллигенции и бизнеса, включенными в транснациональные структуры. Политика европейской идентичности чревата возможностью утраты политической субъектности и потерей контроля над ближайшей сферой интересов. Следствием таких процессов становится образование «химерных государств» на периферии западной цивилизации, являющихся для нее источником ресурсов и точками давления на другие цивилизации.

Вторым, медленным, но устойчивым трендом является Евразийский проект. Россия, выходя за ограниченные рамки национальной идентичности, обретает цивилизационную идентичность, которая не вмещается в государственные границы. Государства постсоветского пространства постепенно находят формы взаимодействия, основанные на общих стереотипах коллективного поведения. Создание Евразийского экономического сообщества было конструктивным шагом, правильность которого подтвердило последующее образование Евразийского экономического союза. Россия создает такие инструменты политики, как армию, независимые секторы экономики, общественные движения, свидетельствующие об ориентации на самостоятельное цивилизационное развитие. Сложностью этого проекта является то, что государства евразийского пространства, граничащие с другими цивилизациями, постоянно подвергаются иноцивилизационному давлению и попыткам смены цивилизационного кода. Под таким давлением находятся страны, испытавшие на себе опыт «цветных революций». К ним относятся такие страны, как Украина, Азербайджан, Узбекистан, Грузия, Армения и др. Они оказываются в зонах интересов западной цивилизации, исламской цивилизации, тюркского проекта.

С точки зрения цивилизационной методологии, особо драматичной оказывается судьба Украины. Украина не может стать полноценным участником ядра западной цивилизации. Будучи втянутой в ее орбиту, она используется в качестве химерного образования, направленного на разрушение евразийского цивилизационного пространства. Утратив собственную идентичность, Украина представляет угрозу не только России, но и европейской идентичности. Попытки России — посредством инструментов мягкой силы построения «русского мира» — изменить конфигурацию сил не решили проблему. Борьба за утверждение евразийской идентичности — это борьба по линиям столкновения цивилизаций. Цивилизации в XXI в. оказываются высшими формами политической идентичности. Вследствие этого угрозы столкновения цивилизаций — это угрозы их существованию. Существование может защищаться самыми крайними формами борьбы — войной. «Война сле-

дует из вражды, ибо эта последняя есть бытийственное отрицание чужого бытия. Война есть только крайняя реализация вражды» [8, с. 308]. Наличие химерных политических образований позволяет перевести предельно опасный градус противостояния цивилизаций в прокси-войну. Собираемый образ вражды, выраженный в понятии русофобии, указывает на то, что возможность войны перестает быть метафорой. Экономическая война, информационная война, война в культуре, спорте направлены на уничтожение материальных основ цивилизации и ее гуманистического содержания. Мир в этой борьбе делится на части, которые становятся сторонами войны. Мир политического противостояния включает в себя войну как постоянную угрозу.

Похожие ситуации военного противостояния возникали в истории XX в. Так, Октябрьская революция большевиков 1917 г. выдвинула коммунистический цивилизационный проект в качестве альтернативы Февральской революции, превращающей Россию в полуколониальную территорию господства иностранного капитала. Гражданская война в России с многочисленными интервенциями иностранных государств носила цивилизационный характер. Такое положение дел указывает на то, что цивилизационная идентичность России является действительно политической идентичностью. Вторым следствием является констатация кризиса идентичности в ситуации конкуренции цивилизационных проектов. Переходные периоды в истории требуют исключительных усилий: «...политики, однако, пока еще не поняли, что одной из главных задач великого государственного мужа должна быть организация рационального контроля над кризисами идентичности и, если возможно, — участие в устройении новой, более разумной идентичности» [2, с.120].

Россия представляет собой средоточие множества идентичностей самого разного уровня, но только одно измерение идентичности становится политическим. Политико-цивилизационная евразийская идентичность России позволяет ей успешно развиваться через неизбежное переплетение и единство противоречий, составляющих ее содержание. Евразийская идентичность означает выбор России в пользу самостоятельного цивилизационного развития.

Литература

1. Эриксон, Э. (1996), *Идентичность: юность и кризис*, М.: Прогресс.
2. Хесле, В. (1994), Кризис индивидуальной и коллективной идентичности, в: *Вопросы философии*, № 10, с. 112–123.
3. *Идентичность и социально-политические изменения в XXI в.* (2012), под ред. Семененко, И. С., М.: РОССПЭН.
4. Хантингтон, С. (2015), *Столкновение цивилизаций*, М.: АСЕ.

5. Quigley, C. (1979), *The evolution of civilizations: An introduction to historical Analysis*, Indianapolis: Liberty Press.
6. Гумилев, Л. Н. (1993), *Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации*, М.: Экспресс.
7. Гумилев, Л. Н. (1990), *Тысячелетие вокруг Каспия*, Баку: Азернешр.
8. Шмитт, К. (2016), *Понятие политического*, СПб.: Наука.

Статья поступила в редакцию 28 ноября 2022 г.;
рекомендована к печати 6 декабря 2022 г.

Контактная информация:

Волков Виталий Александрович — д-р полит. наук, проф.; v.a.volkov@spbu.ru
Камнев Владимир Михайлович — д-р филос. наук, проф.; kamnev4@yandex.ru

Russia's civilizational identity: War and world

V. A. Volkov, V. M. Kamnev

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Volkov V. A., Kamnev V. M. Russia's civilizational identity: War and world. *Philosophy of the History of Philosophy*, 2022, vol. 3, pp. 355–365.
<https://doi.org/10.21638/spbu34.2022.123> (In Russian)

The article deals with the problem of identity of modern Russia. Since the end of the twentieth century, Russia has been in the process of an identity crisis. The Russian Federation, which abandoned the communist ideology and the regime of Soviet power, made attempts to build a European identity in a single civilizational space with the West. Russia's acquisition of its identity implied an ongoing process of abandoning its integrity and more fundamental identities than ideology and regime. According to the Western model, Russia should dissolve nations "in a single cauldron", or divide into many states according to their national identity. In this project, Russia is assigned the role of a regional state that performs the function of a raw material appendage of the West in the international system of division of labor, dominated by foreign capital. The history of Russia over the past three hundred years shows that national, civil identity is limited to the potential for its development. Eurasian civilizational identity explains the peculiarities of the unity and integrity of Russia. The political and civilizational Eurasian identity of Russia allows it to develop successfully, through the inevitable intertwining and unity of contradictions that make up its content.

Keywords: identity, civilization, eurasianism, war, world.

References

1. Erikson, E. (1996), *Identity: youth and crisis*, Moscow: Progress Publ. (In Russian)
2. Hesse, V. (1994), Crisis of individual and collective identity, in: *Questions of Philosophy*, no. 10, pp. 112–123. (In Russian)
3. Semenenko, I. S. (ed.) (2012), *Identity and socio-political changes in the 21st century*, Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russian)

4. Huntington, S. (2015), *Clash of civilizations*, Moscow: ACE Publ. (In Russian)
5. Quigley, C. (1979), *The evolution of civilizations: An introduction to historical analysis*, Indianapolis: Liberty Press.
6. Gumilev, L. N. (1993), *Rhythms of Eurasia: epochs and civilizations*, Moscow: Ekopros Publ. (In Russian)
7. Gumilev, L. N. (1990), *Millennium around the Caspian Sea*, Baku: Azerneshr Publ. (In Russian)
8. Shmitt, K. (2016), *The concept of political*, St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian)

Received: November 28, 2022

Accepted: December 6, 2022

Authors' information:

Vitaly A. Volkov — Dr. Sci. in Political Science, Professor; v.a.volkov@spbu.ru

Vladimir M. Kamnev — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; kamnev4@yandex.ru